

DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-108-119

УДК 94(47).081 + 94(47).082

КОНСЕРВАТИВНЫЙ АНТИКЛЕРИКАЛИЗМ ИНЖЕНЕРА ДЕ-СКРОХОВСКОГО¹

Котов Александр Эдуардович

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

a.kotov@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена полемике с католическим клерикализмом, которую вел в последние годы жизни забытый публицист — Константин Осипович Де-Скroxовский (1836–1906). Проживая в этот период в Варшаве, он активно публиковал на польском и русском языках обширные компиляции из трудов западных протестантских и антиклерикальных, а также отечественных славянофильских публицистов: от Ш. Шиники и Л. Таксиля до Ю.Ф. Самарина и А.А. Киреева. Но стремление публициста отвлечь от «папизма» широкие польские массы не встретило понимания цензурного ведомства — точно так же, как и его попытка основать в столице Привислянского края «пророссийскую» еврейскую газету на идиш. Выступая по преимуществу на страницах славянофильских и консервативных изданий, Де-Скroxовский не проявил себя как самостоятельный политический или религиозный мыслитель. Вместе с тем, именно обращаясь к текстам подобных авторов, мы видим, как преломлялись славянофильские и панславистские идеи в мировоззрении и биографии рядового интеллигента второй половины XIX столетия, насколько сложным и «не консервативным» — в бытовом смысле этого слова — был тогдашний русский «консерватизм».

Ключевые слова: консерватизм, национализм, антиклерикализм, католицизм, польский вопрос, славянофильство, Де-Скroxовский.

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

THE CONSERVATIVE ANTICLERICALISM OF THE ENGINEER DE-SKROCHOWSKY¹

Kotov Alexander E.

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
a.kotov@spbu.ru

Abstract. The article is devoted to the controversy with Catholic clericalism, which was conducted in the last years of his life by a forgotten publicist – Konstantin Osipovich De-Skrochowsky (1836–1906). While living in Warsaw during this period, he actively published extensive compilations in Polish and Russian from the works of Western Protestant and anti-clerical, as well as domestic Slavophil publicists: from S. Shiniki and L. Taxil to Yu.F. Samarin and A.A. Kireev. But the publicist's desire to turn away the broad Polish masses from "papism" did not meet with the understanding of the censorship department – just like his attempt to found a "pro-Russian" Jewish newspaper in Yiddish in the capital of the Privilislyansky region. Speaking mainly on the pages of Slavophile and conservative publications, De-Skrochowsky did not show himself as an independent political or religious thinker. At the same time, it is precisely by referring to the texts of such authors that we see how Slavophile and pan-Slavist ideas were refracted in the worldview and biography of an ordinary intellectual of the second half of the 19th century, how complex and "non-conservative" in the everyday sense of the word was the then Russian "conservatism".

Keywords: conservatism, nationalism, anti-clericalism, Catholicism, Polish question, Slavophilism, De-Skrochowsky.

Цитирование: Котов А.Э. Консервативный антиклерикализм инженера Де-Скροховского // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 108–119. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-108-119 / Kotov A.E. The Conservative Anticlericalism of the Engineer De-Skrochowsky, in Novoe Proshloe / The New Past. 2023. No. 2. Pp. 108–119. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-108-119.

© Котов А.Э., 2023

---

¹ This research was supported by the grant No. 19-18-00073-P "National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries" of the Russian Science Foundation.

Имя железнодорожного инженера Константина Осиповича Де-Скroxовского (1836–1906) давно и прочно забыто. В самых общих чертах его история изложена в небольшом очерке о Государственном контроле на страницах журнала «Деньги» [Малахов, 2006, с. 83–88]. Кроме того, в монографии Н.В. Черниковой о В.П. Мещерском отношении последнего с Де-Скroxовским посвящено около двух страниц [Черникова, 2017, с. 299–300]. Между тем «интеллектуальная биография» этой несомненно второстепенной фигуры представляет интерес как пример преломления консервативно-славянофильского дискурса в мировоззрении и биографии рядового интеллигента второй половины XIX столетия. Впрочем, основной ее части – борьбе со злоупотреблениями железнодорожной бюрократии – автор этих строк посвятил отдельную статью, которая в ближайшее время выйдет на страницах одного из отечественных журналов.

Настоящий материал посвящен заключительному периоду творческого пути К.О. Де-Скroxовского – когда бывший инженер и вечный правдоискатель, предсказуемо потерпев поражение в своей борьбе с многоглавой гидрой отечественной бюрократии, нашел себе другую гидру: католический клерикализм. Полемику эту Де-Скroxовский вел в качестве вполне заурядного представителя славянофильского лагеря, в который был введен в середине 1880-х гг. своим покровителем Т.И. Филипповым, тогда еще товарищем Государственного контролера [Дмитриев, 2008, с. 358].

Во второй половине 1896 г., незадолго до своей отставки с поста Главного контролера Контроля Привисленской и Ивангородо-Домбровской железной дорог, Де-Скroxовский подготовил обширный полемический труд на польском языке, посвященный энциклике римского папы о соединении церквей: «Encyklika Papieża Leona XIII-go i Rusko-Polskie stosunki». На Варшавский цензурный комитет рукопись произвела столь сильное впечатление, что 15 февраля 1897 г. Де-Скroxовский был вынужден обратиться к начальнику Главного управления по делам печати М.П. Соловьеву с обширным посланием, в котором излагалась самая суть проблемы: «Своеобразное отношение Варшавского цензурного комитета к русско-польским отношениям лишает возможности истинных русских патриотов вести борьбу с латино-польской пропагандой. Тяжесть такого положения испытываю я на себе: ввиду тайной пропаганды через иезуитов и члена бывшего революционного комитета Ивана Франковского, присланных папой в пределы России в 80-х годах для управления униатов в борьбе с православием, я решился издать для наших униатов, не знающих русского языка, книгу на польском языке, разъясняющую преимущества православной веры, происхождение в Польше латинства и уни, злоупотребления пап и польской шляхты, стремление пап к соединению церквей и, наконец, указывающую полякам путь сближения с Россией, для чего единственной исходной точкой я признаю разрыв их с Римом. Труд мой представляет обширное (в 40 печатных листов) историко-политическое исследование, не встретил сочувствия у председателя Варшавского цензурного комитета и у старшего цензора Эммаусского, находящих, что если бы книга моя печаталась по-русски, то ее можно

бы пропустить без исключений, но на польском языке неудобно, ибо это будет дразнить поляков. И оба эти лица усиленно советуют мне печатать книгу в Петербурге, чтобы не ставить их в натянутые отношения к польскому обществу. Все прочие члены комитета стоят на моей стороне, находя книгу весьма ценным и полезным трудом, не требующим никаких исключений; но председатель неумолим. Вследствие этого рукопись моя задерживается в цензурном комитете сверх установленного законом срока (4 месяца) и из нее исключается все, что может дразнить польское ухо, несмотря на то, что многое вычеркиваемое цензурою составляет выписки из изданных же на польском языке книг в Варшаве, или же переводов из новейших русских сочинений, напечатанных в Петербурге» [РГИА, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 253, л. 1–2]. Не позабыл опытный правдоискатель указать и на «не чисто русское происхождение» председателя Варшавского цензурного комитета — И.К. Янкулио [РГИА, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 253, л. 4].

Получив жалобу Де-Скroxовского, М.П. Соловьев не стал полагаться на собственные незаурядные богословские познания и обратился к самому Янкулио с просьбой «сообщить заключение по настоящему предмету» [РГИА, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 253, л. 5]. Председатель Варшавского комитета в свою очередь переслал начальству записки цензоров Эммауского и специализировавшегося по богословским сочинениям Драгомироцкого, сообщив также, что комитет решил книгу «возвратить автору для переделки тех мест, которые цензурою не могут быть разрешены» [РГИА, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 253, л. 6об.]. Главным аргументом чиновников было то, что автор, критикуя католическую Церковь, опирался по преимуществу на протестантские источники. При этом указывалось, что «пользуясь последними, автор, по-видимому, не замечает, что, ополчаясь против католической веры, он в то же время оскорбляет православие». Так, по мнению Драгомироцкого, Де-Скroxовский называл Церковь «собранием — Zbor», «во всех словах и делах» предлагал «руководствоваться... единственно Священным Писанием», скептически относился к Таинствам, но главное — подвергал сомнению «значение духовной иерархии как особенного богоучрежденного отдельного от мирян класса служителей церковных, получающих на свое служение особенное благодатное посвящение» [РГИА, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 253, л. 9об.]. Отдельно отмечался «раздраженный и неприличный тон» автора, а также то, что он «все догматы и обряды католической Церкви... считает языческими. Особенно же порицает почитание святых <...> Полякам же предлагает порвать всякую связь с дьяволом и антихристом в Риме и образовать свою собственную национальную церковь. Он не предлагает им принять Православие, а только желает, чтобы они отказались от веры в антихриста» [РГИА, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 253, л. 11об.].

Впрочем, цензор готов был сделать скидку на богословское невежество писателя: «Отдельные несоответственные выражения о Восточной Церкви вкрались в сочинение очевидно по недосмотру и несообразительности автора, без разбора списавшего целые статьи и отделы с протестантских книг, равно как кощунственные насмешки над Таинством Евхаристии...» [РГИА, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 253, л. 9об.].

Указав на компилятивный характер сочинения, цензор заключал: «В сочинении есть много ценного материала, есть места вполне цензурные (большинство из них те именно, о которых автор упоминает в своей жалобе, будто они признаны нецензурными), но в общем же сочинение испещрено небеспристрастными, даже еретическими объяснениями и вставками, в виду чего, к сожалению, все эти вполне цензурные статьи и теряют свое значение и не могут служить доказательством в том, будто сочинение написано “строго в интересах России и православия”. По моему мнению, сочинение г. Де-Скροховского в таком виде, как оно представлено в цензуру, противно 93-й ст. Цензурного устава» [РГИА, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 253, л. 16об. – 17]. Главное управление печати признало это заключение вполне справедливым и в марте 1897 г. решение Варшавского цензурного комитета утвердило [РГИА, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 253, л. 17–17об.].

В мае автор подал свой труд на повторное рассмотрение. Теперь предметом спора с цензурным ведомством стало приложение – перевод на польский язык знаменитого «Польского катехизиса», недавно перепечатанного по-русски в сборнике Шелковича [РГИА, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 253, л. 23]. Опубликованный в русской националистической печати в 1863 г. в качестве доказательства злонамеренности польского национального движения, теперь этот текст представлялся варшавским цензорам опасным и неуместным. В итоге двухтомник Де-Скροховского «Encyklika papieża Leona XIII o połączeniu kościołów i rusko-polskie stosunki» вышел в Варшаве в 1899 г. под псевдонимом Nieomylny (Непогрешимый). Чуть раньше, в 1898 г., и под тем же псевдонимом им была выпущена со своим предисловием брошюра «Bezżeństwo duchownych», представлявшая собою переиздание немецкой брошюры о вреде безбрачия католического духовенства, переведенной на польский еще в 1870 г. В 1900 г. она же была выпущена им по-русски [Де-Скροховский, 1900a].

Помимо этого, Де-Скροховский перевел на русский две брошюры Шарля Шиники – бывшего католического священника, перешедшего в протестантизм и разоблачавшего планы Ватикана по порабощению Северо-Американских Соединенных Штатов. Русского автора заинтересовали следующие издания: «Католическая исповедь и женщина» (СПб., 1898) и «Почему я отпал от Римской Церкви» (СПб., 1899).

Но наибольший интерес представляют две работы Де-Скροховского, посвященные истории папства и представлявшие собою, в сущности, русский перевод обсуждавшегося в 1897 г. Варшавским цензурным комитетом двухтомника. В брошюре «Начало конца римского католицизма и папства» отставной Главный контролер противопоставлял папизму национальный принцип: «Исходя из точки зрения национально-патриотической, современная противопапская реакция борется против светской власти папы, стремящейся к поглощению национального патриотизма – патриотизмом (?) папско-католическим, иначе говоря, папским космополитизмом» [Де-Скροховский, 1900b, с. 3]. Именно национальные движения и сокрушили папизм: «Политическое могущество папства рухнуло окончательно под звуки национального гимна объединенной Италии; религиозное оружие: проклятие и отлучения, никого не устрашают – цена этого бутафорского вооружения носителей тиары

давно упала на рынке самих же католиков [Де-Скроховский, 1900b, с. 3]. В качестве яркого примера этого падения Де-Скроховский приводил историю печально знаменитого Л. Таксила – но отмечал, что наряду с подъемом атеистических настроений она вызвала и «в высшей степени замечательное движение» среди французского духовенства [Де-Скроховский, 1900b, с. 23]. И далее он приводил исчерпывающе характеризующую его собственные взгляды цитату аббата Шарбоннея: «Католицизму решительно нужно немного протестантизма. До некоторой степени протестантскими католиками являются, например, американские католики. Мы, конечно, можем, не желая их обидеть, пожелать последователям таксилевского палладиума лучше иметь веру и религию тех народов, которыми руководят люди, подобные Гиббону и Айрленду» [Де-Скроховский, 1900b, с. 24].

Об уже вышедшем из моды старокатоличестве Де-Скроховский почти не упоминал, но его главного русского пропагандиста, генерала А.А. Киреева, активно цитировал в основном своем русскоязычном труде – «От мрака к свету». Книга эта, как и ее польский вариант, представляла собой обширную компиляцию из текстов протестантских и недовольных Римом католических авторов, разбавленную славянофильской публицистикой и выдержанными в духе последних рассуждениями автора. Если раньше он заявлял о гибели католической Церкви, то теперь указывал на то, что из ее недр исходит новая угроза: «Римское папство, пришибленное и обессиленное восстановлением объединенной Италии, лишенное последних лохмотьев своей некогда богатой царственной мантии, – стало выходить из того оцепенения, в которое его повергло пробудившееся национальное сознание итальянского народа. Воинствующий католицизм – эта альфа и омега всей истории папства – снова повел атаку во имя того же принципа, который красною нитью проходит через все прошлое папского католицизма; принцип этот – безграничная, всеобъемлющая власть папства, мировая теократия – с папой во главе. Лишенный окончательно всякой светской власти, подчиненный в государственном отношении римскому королевскому престолу, – Ватикан, в лице одного из умнейших своих представителей – Льва XIII – решил изменить свои стратегические приемы и выставил в качестве оружия воинствующего католицизма новые, до сих пор не применявшиеся, средства. Вместо грома проклятий и отлучений – с высоты папского престола раздалось слова любви, привета; вместо ужасов инквизиции – римский понтифекс проповедует всепрощение и терпимость. Что значит эта метаморфоза? В неискренности ее никто из непапистов не усомнится; но является вопрос – против кого повел атаку пробудившийся римский воинствующий католицизм?» [Де-Скроховский, 1900с, ч. 1, с. VII].

Вопрос, конечно же, был риторическим. Новым врагом и новым источником сил для Рима мог быть только православный Восток – что не могло быть безразличным для России: «Теперь нам приходится считаться не с врагом, под воинственные марши движущим свои “крестоносные” полчища на православно-славянский мир, а с мнимым другом и благожелателем, предлагающим установление прочного мира, согласия и единения. Но какою ценой купили бы мы этот мир? Ответ на этот вопрос

тот же, который мы слышали и в эпоху святой инквизиции: подчинение папе, признание его верховным главой, вершителем судеб всего мира» [Де-Скροховский, 1900с, ч. 1, с. VII]. Главным орудием Рима стала, разумеется, Польша – ранее уже выступавшая в этом качестве: «Поработив в десятом веке польское славянское племя, оторвав его от православного славянства, лишив его, таким образом, драгоценнейшего достояния – национального самосознания – папство сделало из поляков послушных, безответных и раболепных служителей гордыни престола св. Петра. Таким образом, поляки начали роковую борьбу с Россией, борьбу, окончившуюся падением Польши» [Де-Скροховский, 1900с, ч. 1, с. VII–VIII].

Излагая в подобном ключе историю Польши, автор отмечал постоянное присутствие в этой стране активной оппозиции католицизму – беспощадно подавляемое последним: «Все же то, что было написано не иезуитами, но честными, истинно учеными поляками, преимущественно литвинами, – все попало в список воспрещенных Ватиканом сочинений, изъято из обращения, воспрещено темному люду или осуждено в костельных проповедях и в конфессионалах. Оттого и та часть русских людей, которая была насильем и пытками вовлечена в унию, до сих пор не имеет настоящего понятия ни о народности, ни о церкви, к которой принадлежала до времен последнего польского мятежа. Сверх того, как свидетельствуют многочисленные факты, католическое духовенство до наших дней не переставало и не перестает мутить бывших униатов» [Де-Скροховский, 1900с, ч. 1, с. XI].

Отыскивая причины «нерасположения и даже открытой ненависти поляков к России», Де-Скροховский усматривал их не в разделах Польши, не в мнимых преследованиях польского языка и католической религии и даже не в произволе русского чиновничества (как он сам писал ранее в своих антибюрократических брошюрах) – но в пагубном влиянии католицизма. Впрочем, к этому прибавлялась и психологическая причина: «Независимо от того, польский народ принадлежит к числу тех наций, которые считают себя самими умными в мире. Считая себя и по настоящее время цивилизаторами России, поляки не могут простить ей того, что за каждую недостойную выходку получали от нее надлежащее внушение. “Совсем другое дело – немцы! Тех святой отец прислал к полякам в качестве миссионеров, и поляки должны уважать их, но не “москалей” – дикий темный народ, – созданный исключительно для того, чтобы польское рыцарство и шляхта эксплуатировали его по своему произволу, и который был бит постоянно доблестным польским рыцарством”. Сколь доблестно и мужественно было это рыцарство, о том свидетельствуют не только польские и литовские писатели – Мицкевич, Сенкевич и другие, но видно также из доклада князя Репнина императрице Екатерине, выдержку из которого приводим буквально: “Отряду Хомутова (2 тысячи человек) велено идти к Варшаве или Белостоку, резиденции гетмана Браницкого, дабы устроить его. Правда, этот отряд невелик, но против поляков его достаточно; я уверен, что 5 или 6 тысяч поляков не только не в силах отбросить отряд Хомутова, но не дерзнут даже подумать об этом”. Конечно, при вышеуказанных различиях в государственных и религиозных убеждениях, улучшение отношений между поляками и русскими

немыслимо и доверие русских к полякам невозможно» [Де-Скroxовский, 1900с, ч. 2, с. 311–312].

Именно католическое влияние придало польской государственности империалистический характер: «Поляки, в течение всего своего самостоятельного существования нападавшие на мирных соседей, резавшие и грабившие их, ныне никого уже не обманут заявлениями, что они являются жертвой насилия, подобно христианским народам Турции» [Де-Скroxовский, 1900с, ч. 2, с. 413]. И ему же приписывал автор и крушение польской государственности: «Рим привел поляков к нравственному, материальному и социальному падению, преследуя исключительно свои интересы. Если бы Польша имела духовных пастырей исключительно туземного происхождения, избранных народом без вмешательства Рима, женатых и нравственных – пастырей, которые заботились бы о благе своей страны, а не Рима, тогда, доверив судьбу свою покровительству старшей и более сильной сестры своей – России, она стала бы возрастать, благосостояние ее увеличилось бы, как это было после Венского конгресса, и заняла бы положение наряду с другими народностями» [Де-Скroxовский, 1900с, ч. 2, с. 270].

Таким образом, заключал бывший Главный контролер, «поляки, до сих пор, всегда представляли себя в глазах Европы единственным изменническим элементом в славянстве, – народом, борющимся против идеи всеславянства, за каковые заслуги и взяла их под свое покровительство немецкая либеральная партия. В этом положении Польши есть нечто трагическое, – это горькие плоды внутренней неурядицы, несогласия стремлений шляхетского клерикализма с историческими, национальными основами и задачами польско-славянского народа» [Де-Скroxовский, 1900с, ч. 2, с. 413]. Однако, чтобы «задуматься над тем положением, в котором очутились поляки благодаря постоянным своим беззакониям» и «правильно отнестись к своей участи», было необходимо «обладать здравым смыслом, недостаток которого вполне ясно сказался в истории польского народа» [Де-Скroxовский, 1900с, ч. 2, с. 412].

Поэтому-то «старшим братьям в славянской семье» и следовало «сделать Рим безвредным для поляков, не давая ему излишней свободы в уличных демонстрациях, и этим прийти на помощь польско-славянскому Обществу, образованному с целью вырвать польское славянское племя из римского ига. Это Общество, основанное благомыслящими поляками, пройдя тяжелые испытания, благодаря вызванному Римом восстанию насчитывает значительное число членов в Царстве Польском, во внутренних губерниях России и за границей» [Де-Скroxовский, 1900с, ч. 2, с. 375]. Таким образом, России следовало не обращать поляков в православие, но опираться на «здоровые силы» местных антиклерикалов. Подразумевался ли при обращении к «историческим, национальным основам и задачам польско-славянского народа» союз с нарождавшейся польской национал-демократией, автор не уточнял. Куда больше надежд он возлагал на давно обсуждавшееся в русской прессе «располячение костела» – изначально предполагавшее именно превращение поляков Северо-Юго-Западного края в «русских католиков», но в то же время направленное

на то, чтобы, по словам М.Н. Каткова, «разлучить католицизм с полонизмом» [Котов, 2017, с. 122–136]. Однако Де-Скroxовский увидел в русификации католичества прежде всего средство оторвать польских католиков от Рима. При этом он особенно обращал внимание на то, что изначально выступавшие против этой меры славянофилы – прежде всего, И.С. Аксаков и М.О. Коялович – в 1880-е гг. пересмотрели свое отношение [Де-Скroxовский, 1900с, ч. 2, с. 410–411]. Таким образом, опираясь на обильно цитируемые «мнения не ополшившихся космополитизмом русских людей» – от Самарина и Киреева до К.К. Скальковского, – автор призывал соотечественников «сосредоточиться под нашим знаменем “борьбы с латинством” для защиты России от новых смут, подготовляемых поляками», и предостерегал от нового проникновения латино-польского влияния вглубь России [Де-Скroxовский, 1900с, ч. 2, с. 459].

Следующий труд Де-Скroxовского был посвящен давно интересовавшей его истории Лео Таксиля – воинствующего атеиста, наряду с пороками католической Церкви высмеивавшего самые основы христианства. Увлеченно излагая перипетии мистификации Таксиля, двенадцать лет выдававшего себя за праведного католика, автор заключал: «Его мнение, что “католическое тупоумие беспредельно”, подтвердилось вполне» [Де-Скroxовский, 1901, с. 74]. Но осуждая Таксиля и признавая его «шутку» дьявольской, инженер обвинял в появлении «пышного экземпляра» исходившие от папского престола «лучи величия». Вновь, как и в прошлых брошюрах, он отмечал: «Сильное движение намечается в католицизме. Есть католики и католики!.. Знаем не одного хорошего католика, как из простого, так и из высшего класса, которые жаждут избавления их от престарелых предрассудков и протягивают руки к братьям христианам» [Де-Скroxовский, 1901, с. 272].

Впрочем, наиболее интересен заключавший книгу вывод. Упомянув о резне христиан в Китае, автор и ее приписал «исключительно безнравственности и злоупотреблениям латинского духовенства» [Де-Скroxовский, 1901, с. 279]. В этой ситуации «Россия должна помнить, что она ближайшая соседка Китая и ненависть его и раздражение обрушатся прежде всего на нее. Сил Китая игнорировать нельзя: мирный и спокойный в настоящее время гигант станет страшным, когда, изучив европейскую военную тактику, выступит на поле брани» [Де-Скroxовский, 1901, с. 279–280]. Де-Скroxовский настаивал на том, что задача России – «объединение славянства и христианства, чего нельзя будет осуществить, если совместно с англо-германскими нациями Россия создаст себе опасного врага в желтой расе, до чего неминуемо доведут англо-германские союзы. Народы эти сознают, что их жизненная пора прошла и наступает время маразма. Между тем России, по сознанию самих англичан, предназначена завидная роль возрождения Европы». Правда, единственным англичанином, на которого бывший Главный контролер ссылался, был некий доктор Джордж Уошберн (George Washburn), автор брошюры «The coming of the Slav» («Будущее славянства») [Де-Скroxовский, 1901, с. 281].

К задаче объединения славянства и христианства Константин Осипович попытался привлечь и еще одного союзника. В феврале 1901 г. в цензурное ведомство

поступило его предложение: «Евреи Привислянского края охотно читают журналы и газеты, печатающиеся на еврейском жаргоне, которые в большом количестве выписывают из-за границы, в крайнем же случае прибегают к газетам польским. Не подлежит сомнению, что все эти журналы далеки от проведения русских интересов, и изредка в них, несмотря на цензуру, проскальзывают противоположные этим интересам тенденции. Это обстоятельство подало мне мысль заняться самому изданием в Варшаве русско-еврейской ежедневной газеты, на разговорном еврейском языке (жаргоне), под названием *Volks Zeitung*, под редакцией окончившего Виленское раввинское училище русского еврея Исаака Рубиновича Кацана. Газета будет редактироваться с полным соблюдением русских государственных интересов, причем официальная часть и телеграммы будут печататься русским шрифтом, с переводом на еврейский язык, чтобы исподволь приучать местное еврейство к русскому языку» [РГИА, ф. 776, оп. 14. 1901 г., д. 17, л. 1–1об.]. Но осторожные петербургские бюрократы и здесь пресекли славянофильскую инициативу: «Периодические издания на еврейском жаргоне могут служить весьма сильным средством для поддержания и развития полной обособленности русских евреев от коренного населения. Кроме того, Министерство внутренних дел стеснено в выборе лиц, хорошо знающих еврейский жаргон и вместе с тем благонадежных, а потому не может быть уверено, что издания эти будут чужды вредной узко-национальной еврейской тенденции» [РГИА, ф. 776, оп. 14. 1901 г., д. 17, л. 14об.–15]. На прошение Де-Скroxовского и Кацана было отвечено отказом.

После этого уже порядком постаревший инженер обратился к изучению и разоблачению католической религиозной традиции. В своей последней книге он поставил своей задачей «познакомить читателей не только с внутренней жизнью Ада, согласно с описанием католических очевидцев, но и историко-географически исследовать эту часть света тоже по католическим источникам» [Де-Скroxовский, 1906, с. 4]. В книге не содержалось явных кощунств, но ее интонации своей язвительностью были схожи с таксилевскими. Так, опираясь на свидетельства католических визионеров, автор пытался научным путем определить точное местоположение католического ада. Путем несложных подсчетов он приходил к следующему ироническому заключению: «Итак, почтенный читатель, положишься на меня и уповай, что для нас с тобой места в Аду не окажется, если Ад находится в центре Земли. Если же он находится в центре Солнца, как утверждал один католический богослов, то и для нас с тобой места в нем хватит» [Де-Скroxовский, 1906, с. 175]. Возможность проверить свои подсчеты представилась Константину Осиповичу в том же году.

Не лишенная гамлетовских черт, фигура Де-Скroxовского не поражает своими масштабами. Публикуясь на страницах славянофильских и консервативных изданий, он, конечно же, не был самостоятельным политическим или религиозным мыслителем. Вместе с тем, именно обращаясь к текстам подобных авторов, мы видим, как преломлялись в интеллигентной среде того периода славянофильские и панславистские идеи, насколько сложным и «не консервативным» — в бытовом смысле этого слова — был тогдашний русский «консерватизм».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Дмитриев А.П. «Случаям единомыслия бываю всегда рад...»: Переписка Н.П. Гилярова и Т.И. Филиппова // *Историко-философский ежегодник*. 2009. № 2008. С. 326–369.

Котов А.Э. «Русское латинство» 1860-х гг. как элемент идеологии бюрократического национализма // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 2. С. 122–136.

Малахов А. Заклейменные надзором // *Деньги*. 2006. № 10. С. 83–88.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 21. Ч. I. Д. 253.

РГИА. Ф. 776. Оп. 14. 1901 г. Д. 17.

Де-Скroxовский К.О. (*Непогрешимый*). Безбрачие латинского духовенства и его последствия. Варшава: тип. Р. Бржезинского, 1900а. 85 с.

Де-Скroxовский К.О. (*Непогрешимый*). Борьба двух львов, или Таксилада. Варшава: Центр. тип. В. Цывинского, 1901. 282 с.

Де-Скroxовский К.О. (*Непогрешимый*). Историческо-географическое исследование ада (по католическим источникам). Киев: лито-тип. И.И. Чоколова, 1906. 175 с.

Де-Скroxовский К.О. (*Непогрешимый*). Начало конца римского католицизма и папства. СПб.: тип. А. Пороховщикова, 1900b. 154 с.

Де-Скroxовский К.О. (*Непогрешимый*). От мрака к свету, или Папство и славянский мир. Часть 1 и 2. СПб.: тип. А.А. Пороховщикова, 1900с. 336, 460 с.

Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М.: РОССПЭН, 2017. 480 с.

REFERENCES

Dmitriyev A.P. "Sluchayam yedinomysliya byvayu vseгда rad...": Perepiska N.P. Gilyarova i T.I. Filippova ["I am always glad to cases of like-mindedness...": Correspondence of N.P. Gilyarov and T.I. Filippova], in *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik*. 2009. No. 2008. Pp. 326–369 (in Russian).

Kotov A.E. "Russkoye latinstvo" 1860-kh gg. kak element ideologii byurokraticheskogo natsionalizma ["Russian Latinism" of the 1860s as an element of the ideology of bureaucratic nationalism], in *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2017. No. 2. Pp. 122–136 (in Russian).

Malakhov A. Zakleymennyye nadzorom [Branded by supervision], in *Den'gi*. 2006. No. 10. Pp. 83–88 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 776. Inv. 14. 1901. D. 17.

RGIA. F. 776. Inv. 21. Part I. D. 253.

De-Skrochowsky K.O. (*Nepogreshimiy*). *Bezbrachiye latinskogo dukhovenstva i yego posledstviya* [The celibacy of the Latin clergy and its consequences]. Warsaw: tip. R. Brzhezinskogo, 1900a. 85 p. (in Russian).

De-Skrochowsky K.O. (Nepogreshimiyi). *Bor'ba dvukh l'vov ili Taksiliada* [Fight of two lions or Taxiliada]. Warsaw: Tsentr. tip. V. Tsyvinskogo, 1901. 282 p. (in Russian).

De-Skrochowsky K.O. (Nepogreshimiyi). *Istoricheski-geograficheskoye issledovaniye ada (po katolicheskim istochnikam)* [Historical and geographical study of hell (according to Catholic sources)]. Kiyev: lito-tip. I.I. Chokolova, 1906. 175 p. (in Russian).

De-Skrochowsky K.O. (Nepogreshimiyi). *Nachalo kontsa rimskogo katolitsizma i papstva* [The beginning of the end of Roman Catholicism and the papacy]. Saint-Petersburg: tip. A. Porokhovshchikova, 1900b. 154 p. (in Russian).

De-Skrochowsky K.O. (Nepogreshimiyi). *Ot mraka k svetu ili Papstvo i slavyanskiy mir* [From darkness to light or the Papacy and the Slavic world]. Part 1 and 2. Saint-Petersburg: tip. A.A. Porokhovshchikova, 1900c. 336. 460 p. (in Russian).

Chernikova N.V. *Portret na fone epokhi: knyaz' Vladimir Petrovich Meshcherskiy* [Portrait against the backdrop of the era: Prince Vladimir Petrovich Meshchersky]. Moscow: ROSSPEN, 2017. 480 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 01.11.2022